

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.Н. Запорожец

**УНИВЕРСИТЕТ КАК КОРПОРАЦИЯ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КАРТОГРАФИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ**

Препринт WP6/2011/06

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва

2011

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

3 33 **Запорожец, О. Н.** Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов : препринт WP6/2011/06 [Текст] / О. Н. Запорожец ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 48 с. – 150 экз.

Статья предлагает читателю интеллектуальную картографию университета, подразумевающую выявление и описание используемых подходов к его изучению, а также лакун, которые предстоит восполнить. Стимулом для такой ревизии послужила антропологическая перспектива, проявившаяся в последнее время в исторических исследованиях российского университета. Она сфокусировала внимание на специфике университетской культуры и способах «обживания» учрежденной государственной институции.

Автор обращает внимание на длительное доминирование в исследованиях университета макроподходов (структурно-функционального анализа, неовеберизма и др.), на категориальную неразработанность альтернативных концепций университета. В этом отношении антропологический подход может быть рассмотрен как своего рода компенсаторная реакция. Он позволяет персонализировать и контекстуализировать университет, сосредоточиться на способах конституирования и саморегуляции университетского сообщества, на изучении ресурсов академической автономии и взаимосвязи университета с другими социальными пространствами, а также заняться языками университетского самоописания.

УДК 378
ББК 74.58в6

Запорожец Оксана Николаевна – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В данной научной работе использованы результаты проекта «Университет как корпорация: эволюция институциональных характеристик в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Запорожец О.Н., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Своим появлением этот текст обязан коллективному проекту «Университет как корпорация: эволюция институциональных характеристик в XIX–XXI вв.» (руководитель д.и.н. Е.А. Вишленкова). Увлекательное исследование российского университета XIX века отчетливо обозначило антропологическую перспективу рассмотрения университетской жизни, позволившую реконструировать освоение и обживание университета как учрежденной правительством институции, ее обогащение собственными жизненными сценариями, а также расшатывание и переопределение действующих правил участниками академической корпорации.

Заявленная антропологическая перспектива потребовала ревизии состояния университетских исследований, детальной интеллектуальной картографии – *обозначения существующих подходов* к исследованию академии и *определения лакун*, которые еще предстоит заполнить. Этот текст не только представляет разнообразие традиций в исследовании университета, но и намечает горизонты поиска, дающие возможность расширить существующие стили и методологии описания, выработать новые рамки референции. Он привлекает внимание к темам и теоретическим перспективам, позволяющим «мыслить университет антропологически»¹ – фокусируется на роли академического сообщества в формировании живой и подвижной университетской культуры, на жизненной логике университетских обитателей, нередко выходящей за пределы корпоративного взаимодействия, на механизмах конституирования и саморегуляции университетской корпорации (особой событийности, конфликтах), проявляющих и согласующих разность интересов и устремлений университетариев.

Сосредотачивая свое внимание на университетском сообществе, антропологическая перспектива актуализирует рассмотрение жизненного пространства академии, ее территориальности – связанности с другими пространствами и институциями множественностью повседневных контактов. Выбранная перспектива задействует и «панорамное видение» – социальную и культурную контекстуализацию университетской жизни, позволяющую рассматривать возможности университетской автономии, способность академии существовать в радикально изменяющихся усло-

¹ По аналогии с известным текстом З. Баумана «Мыслить социологически», представляющим основные логики социологического вопрошания. См. *Бауман* 1996.

виях. Открытость университета влияниям и его способность реструктурировать социальный ландшафт актуализирует постоянное изучение университетской жизни, непрекращающийся поиск категорий и теоретических рамок для ее описания.

О противостоянии университетской доксе

Изучение университета требует особой чуткости исследователя, связанного с академией как минимум периодом обучения, и, как правило, – профессиональной карьерой. По остроумному замечанию П. Бурдьё, в отличие от этнографа, одомашнивающего экзотическое, задача исследователя университета заключается в экзотизации домашнего². Однако университет в значительной степени ограничивает возможности критического анализа, парадоксальным образом герметизируя знание о себе.

Сложность исследования университетов заключается в наличии «университетской доксы»³ – набора самоочевидных суждений об университете и системы мыслительных категорий, произведенных университетом и усвоенных исследователем в ходе профессиональной социализации, направляющих его внимание и создающих саму возможность говорить об университете. Действенный способ преодоления университетской доксы П. Бурдьё видел в «расширенном рационализме»⁴ – постоянной рефлексии процесса познания и в осознании его ограниченности; в рационализме, оставляющем место воображению.

Именно перспектива «расширенного рационализма» задает логику данного текста, стремящегося «подвергнуть университетскую доксу внимательному рассмотрению, попытаться увидеть то, что за ней скрывается, что она допускает»⁵. Принцип «наблюдай за наблюдателем!» обращает нас к особенностям производства знаний об университете, позволяет установить, в каких категориях он описывается, кто, как и о чем говорит применительно к академии. Особый интерес для нас представляют непроговоренные, неартикулируемые в интеллектуальных дебатах – на уров-

² Bourdieu 1984. P. xi.

³ Категория, предложенная П. Бурдьё и означающая «то, что университеты считают само собой разумеющимся и потому применяют к *alma mater* мыслительные категории, произведенные ими самими». См.: Бурдьё 1996.

⁴ Бурдьё 1996.

⁵ Там же.

не аналитических схем и эмпирических исследований – темы из университетской жизни, камуфлируемые университетской доксой.

Университет как корпорация: к определению концепта

Определение университета как корпорации – один из наиболее частых аналитических выборов в современных социальных исследованиях. Популярность концепта – закономерное следствие не только его многозначности, подчеркивающей принадлежность к разным интеллектуальным традициям, но и клишированности термина, способствовавшей размыванию его границ, превращению в своеобразную «эпистемологическую кучу»:

«Риторические формулы, в которых университет именуется корпорацией, ничем не отличаются в этом смысле от формул, в которых он именуется институтом»⁶.

Обозначение смыслового поля «корпорации» – отнюдь не интеллектуальное упражнение, но поиск «рабочего инструмента» – определенной оптики рассмотрения университетской жизни, позволяющей передать ее разнообразие и многослойность. Обращаясь к сложившимся практикам использования категории, можно говорить о ее метафорическом или клишированном использовании, не требующем четкого определения, а также о, как минимум, двух стратегиях ее смыслового насыщения. Первая подразумевает значительную степень открытости категории – установление ее смысловых границ провозглашается не условием, но результатом исследовательского поиска:

«Мы видим, что требуется новое научное усилие, новое устремление к непосредственному опыту (при всей теоретической сомнительности этого понятия). Не для того, чтобы в самой этой непосредственности найти нечто подлинное, не искаженное теоретической реификацией, но для того, чтобы поискать возможности нового старта в самой теории, обрести новую оптику для исследования социального»⁷.

⁶ Куракин, Филиппов 2006.

⁷ Там же.

Обретение новой исследовательской оптики, по замыслу авторов этой позиции, возможно через обращение к мотивам действующих – смыслам, вкладываемым игроками в совместную деятельность, общему полю референций, выступающему ориентиром совместных действий:

«Что же мы видим? Прежде всего, людей, совершающих осмысленные действия. Нам интересны не всякие действия и взаимодействия... , но лишь действия определенного рода, действия, которые мы, наблюдатели, идентифицируем по их принадлежности к процессу образования и которые в определенном смысле понятны самим участникам»⁸.

При всей открытости понимания университета как корпорации, можно заметить, что авторы обозначенного подхода все же фиксируют набор базовых смыслов, определяющих логику совместных действий участников университетской корпорации – «принадлежность к процессу образования».

Вторая стратегия использования категории «корпорация» основывается на более или менее четком определении ее смысловых границ и отделении ее от ряда категорий, таких как *сообщество*, *статусная группа*, *институт*, *механизм*, и других, позволяющих фиксировать многообразие смыслов совместных действий, фокусироваться на их определенном аспекте. Подобный подход подразумевает повышение исследовательской чувствительности к смысловому наполнению категории.

Принятые в социальных науках практики идентификации университета как корпорации, на наш взгляд, могут быть описаны в терминах «фигуры» и «фона». «Фоновые» практики описания делают акцент на контексте университетской корпорации – ее историчности, вписанности в определенный тип социального порядка, организации общества. В этом случае университетская корпорация, как правило, отождествляется либо с особым типом социальной организации, свойственной сословному обществу⁹, либо с (пост)индустриальной структурой (составляющей экономики знаний), специализирующейся на производстве особых «продуктов» и услуг¹⁰. Практики описания университетской корпорации как самостоятельной «фигуры» не отменяют значимость контекста, но пере-

⁸ Куракин, Филиппов 2006.

⁹ См.: Куренной 2006. Например: «[...] университет на протяжении всей своей истории обнаруживает черты *цеховой структуры*. Это древнейшая корпорация, сохраняющая некоторые специфические черты *средневековых объединений*».

¹⁰ См.: Johnson, Kavanagh 2003; Кларк 2011.

мещают внимание на устройство самой корпорации. Акцент в данном случае делается на понимании ее как группы взаимодействующих участников, создающих и разделяющих общие системы смыслов, обладающей внутренними механизмами саморегуляции, относительно автономной и локализованной (укорененной в определенном пространстве), испытывающей влияние разнообразных контекстов.

В определенном смысле, популярность категории «корпорация» – это реакция на длительное преобладание функционалистского подхода в исследовании университета. Востребованность категории усиливает и поиск нового языка описания академической жизни, и стремление разработать принципиально иные теоретические схемы, расшатывающие функционалистское представление об университете как о деперсонифицированном, детерриториализованном и деконтекстуализованном образовательном *институте*, обладающем вполне определенным и стабильным набором функций.

Критика функционалистского подхода к рассмотрению университета имеет достаточно длительную историю. Сущность претензий к подобной интерпретации формулируется К. Миноугом еще в 1973 году. Автор «Концепта университета» рассматривает исследование повседневной университетской жизни как действенное противопоставление редукционизму и предзаданности функционализма:

«Привычка рассматривать университет с точки зрения функционализма стала столь распространенной, что претендует на статус исторической правды. /.../ Такие функциональные интерпретации, принимающие во внимание лишь *ограниченное число обстоятельств*, отдают произволом и догматичностью и *не имеют ничего общего с многообразием университетской жизни*. /.../ Мы обращаемся к повседневной жизни, чтобы отделить сущность от функции»¹¹.

В российских социальных науках функционалистский анализ университета стал сдавать свои позиции лишь в начале 2000-х годов. Его «живучесть» отчасти поддерживалась общей распространенностью структурно-функционального подхода в российских социальных науках. В рамках функционализма университет рассматривался как сложносоставная структура – единство функциональной, социальной, организационной и нормативной составляющих¹², своеобразная «фабрика кадров», основная цель которой (определяемая потребностями общества в целом

¹¹ *Minogue* 1973. P. 2–4 (курсив автора. – О. 3.).

¹² *Иванов, Осипов* 2004. С. 165.

и государством как основным общественным институтом) заключалась в образовании и подготовке специалистов.

Именно абстрактность рассмотрения университета, его деконтекстуализация, столь свойственные функционализму, и стали предметом резкой критики 2000-х со стороны исторического подхода:

«Традиционная российская перспектива изолирует членов университета от их окружения, с которым они были тесно связаны... Но ведь профессора университетов действовали в определенной социальной среде»¹³.

Оппозицией абстрактному, деперсонифицированному и деконтекстуализированному рассмотрению университета становится подход, соединяющий перспективы понимающей социологии (М. Вебер), интерпретативной антропологии (К. Гирц) и теории повседневности (М. Де Серто), представляющий университет как пространство производства смыслов и открытия правил, складывающихся в многообразных, изменчивых практиках и взаимодействиях его участников¹⁴. При этом производимые смыслы рассматриваются как находящиеся в постоянном процессе становления и реинтерпретации, что делает анализ университетской жизни принципиально «неполным», открытым новым интерпретациям.

Подобный подход предполагает внимание к повседневной жизни университета и признает ключевую роль университетского сообщества в создании живой и подвижной университетской культуры. Помещение университетского сообщества – как саморегулирующегося механизма – в центр исследовательского внимания позволяет понять, как происходило освоение и «обживание» университета как институциональной модели, как она обогащалась новыми сценариями или, напротив, как происходило расшатывание и переопределение действующих правил. Помимо этого, внимание к жизни университетского сообщества предлагает исследователю дополнительные возможности, «расфокусируя» оптику, позволяя следовать жизненной логике университетских обитателей, нередко выходящей за пределы корпоративного взаимодействия, рассмотреть университет как пространство социального творчества.

Соединяя разрозненные опыты множества действующих лиц и структур, предлагаемый подход фокусируется на сложной конфигурации ру-

¹³ Маурер 2009. С. 6.

¹⁴ См.: Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия [Т. 1], Университет для России: Московский университет в Александровскую эпоху [Т. 2] 2001; Кулакова И.П 2006; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А., 2005. Вишленкова Е.А., Галууллина Р.Х., Ильина К.А 2012.

тинного порядка – переплетении формальных установлений с повседневными действиями. Университет, таким образом, рассматривается и как пространство обживания нормативных предписаний, задаваемых агентами влияния, и как арена противостояния им.

Принципиальной для данного подхода является его последовательная *антропологическая оптика* – сфокусированность на действиях университетариев, признание значимости их роли в создании и изменении университетской среды. Отмеченный антропологизм отличает подход от другой исследовательской перспективы, весьма распространенной в последние годы в социологии и исследованиях образования (Education Studies) – неоинституциональной¹⁵, также избегающей определения университета как предзаданного набора функций.

Неоинституционализм признает подвижность и изменчивость университетской среды, значительную роль агентов в ее формировании: «[Он] позволяет анализировать не только то, как правила регулируют поведение людей, но и то, как интересы людей влияют на формальные и неформальные правила»¹⁶. Отмечая активность агентов в формировании институциональных рамок, неоинституционализм стремится установить, «как люди создают смыслы в рамках социальных институтов посредством языка и символических интерпретаций»¹⁷. При этом предполагается, что пространство действий и выбора в значительной степени ограничено контекстами существования университета – другими институциями, локальной спецификой, предысторией его существования, – определяющими траектории академии и влияющими на выбор его обитателями того или иного сценария действия. С точки зрения неоинституционализма, университетарий – скорее «человек выбирающий», чем «человек творческий».

Таким образом, в центре внимания неоинституционального подхода оказываются не действия университетариев, образующие ткань университетской культуры, но деперсонифицированные *институциональные формы* (институциональные правила или институциональные логики как наборы возможностей и ограничений, образуемые и поддерживаемые институциональными средами, например: «материальные практики и символические конструкции, конституирующие и организующие принципы поведения индивидов и организации»¹⁸).

¹⁵ См.: Meyer, Rowan 2006; Павлюткин 2009; Павленко 2010.

¹⁶ Павленко 2010. С. 92.

¹⁷ Meyer, Rowan 2006. P. 7.

¹⁸ Friedland, Alford 1991. P. 243.

Наше дальнейшее рассмотрение университета определено особенностью антропологической оптики, фокусирующейся на университетском сообществе как создателе академической культуры. Университет предстает как социально, пространственно и материально укорененная система, раскрывающаяся через мотивы и логики взаимодействия, особенность пространственной организации и пространственных связей, особую материальность и специфическое дискурсивное производство, как система, включенная также и в общую логику социального взаимодействия.

Университет как пространство взаимодействия

Описание университета как «сообщества» уже в самой категории фиксирует наличие взаимосвязей и взаимодействий, объединяющих университетариев. Нередко сообщество «натурализуется» социальными науками, становясь исходной посылкой, аксиомой исследования. При всей очевидности коммунитарного характера университетской жизни (объединяющей ее участников общностью пространства, взаимосвязанностью задач, корпоративного этоса, университетской идентичности), использование категории «сообщество» все же нуждается в дополнительной аргументации, прояснении характера и способов взаимодействия.

Очевидно, что не всякое объединение является результатом актуального взаимодействия. Исследователь российского академического пространства М. Соколов иронически использует термин «популяция» для обозначения внешней заданности подобных объединений, их появления как результата исследовательской классификации: «Популяция – гораздо точнее, чем сообщество, потому что они никогда не были сообществом ни в каком смысле, кроме того, что населяли одну территорию»¹⁹. П. Бурдые отмечает двойственный характер подобных классификаций – в его терминологии «классов на бумаге». С одной стороны – они результат исследовательского произвола, часть аналитической работы исследователя, с другой – обозначение возможности группы быть объединенной, акцентирование «практик и свойств, поведения, ведущего к объединению в группу»²⁰. Существование сообщества раскрывается через взаимодействие, общую событийность, связывающую его участников, и одновременно кон-

¹⁹ Соколов 2011(а).

²⁰ Бурдые 1993. С. 59.

ституирующую его как сообщество, проявляющую его основные черты. Описание университетской жизни как формируемой определенными событиями может стать конструктивной альтернативой разновидности антропологического подхода²¹, представляющей сообщество как совокупность фиксированных структур, априори свидетельствующих о наличии коммунитарной жизни и социального взаимодействия – системы разделенных правил, ритуалов, символики и пр. Важной особенностью событийного подхода становится признание изменчивости форм взаимодействия, постоянная проблематизация их значимости для сообщества:

«...чистой воды атавизм, унаследованный от предыдущих форм бытования университета, подобно тому, как был унаследован сам термин “университетская корпорация”. Но что понимается под этим? Корпоративный дух, солидарность маститых ученых и молодежи, вступающей в храм науки с фальшивыми криками “Vivat academia, vivant professores!”»²².

События, как и конфликты, не только подтверждают наличие взаимодействия, конституирующего университетское сообщество, но, будучи включенными в символическое производство, образуют дискурсивное пространство, проявляющее университетскую доксу – институциональные политики репрезентации и памяти. В этом случае особый интерес представляет вписанность различных событий в историю сообщества и институциональную историю. Существующий канон репрезентации событий университетской жизни, поддерживаемый, в том числе, и исследованиями академии, можно представить как канон успешности, подчеркивающий культурную значимость университета, представляющий его как пространство удачных опытов (блестящих защит, продуктивных дискуссий, эффективной кооперации). В то же время, ряд исследователей указывают на очевидную ангажированность репрезентации событий, ее подчиненность приоритетам корпорации. К примеру, К. Голд отмечает, что университеты обращают повышенное внимание на мотивы поступления или прихода на работу, но практически не рассматривают и не декларируют причины увольнений или прекращения учебы²³.

²¹ Пример антропологического подхода, акцентирующего внимание на следующих способах обнаружения целостности определенной группы: официальном нормативном слое и неписаных правилах поведения, стереотипических чертах и образе жизни, формах повседневного дискурса, ритуалах, символике, сложившихся в определенной среде, см. в: *Щепанская* 2003; *Щепанская* 2011.

²² *Куракин, Филитов* 2006.

²³ *Golde* 2005.

Другой «фигурой умолчания» можно назвать университетские конфликты. Особенность существующих практик рассмотрения конфликтов в академических сообществах заключается в дистанцировании конфликта. Он воспринимается скорее как область изучения или сфера применения профессиональных навыков (то, что существует за пределами общества, на что направлен его взгляд), чем атрибут университетской жизни. Немногочисленные работы, посвященные академическим конфликтам, как правило, не рассматривают их как механизм изменения университетского сообщества, локальных контекстов или институциональных структур, но, скорее, представляют собой набор курьезов, забавных случаев, или же рассматривают университет как пространство объективации общественных конфликтов (классовых, гендерных, расовых), нивелируя значимость или отрицая саму возможность внутриуниверситетских разногласий²⁴.

Внимание к жизни университетского сообщества, его ключевым фигурам, как отмечалось ранее, позволяет расширить понимание университета как корпорации. Сообщество объединяется многообразием условий повседневной жизни, в то время как корпорация формируется и поддерживается обозначением и достижением ряда приоритетных задач (подлежащих постоянному уточнению). При значимых отличиях, сообщество и корпорация оказываются связанными друг с другом переходом жизненных стилей и систем смыслов, повседневной и профессиональной жизни: «Я работаю в университете, хотя порой мне кажется, что я в нем живу»²⁵. Так, определенный стиль повседневной жизни университетариев может становиться эталоном корпоративного поведения, а его обладатель – ролевой моделью, определяющей характер социализации и общения к корпоративным ценностям:

«Вольф заменил обычную для студентов того времени пышную шевелюру на парик – с тем, чтобы не тратить драгоценные часы на парикмахера; обходил стороной таверны; и даже перестал посещать лекции, когда пришел к выводу, что может более продуктивно расходовать время, читая рекомендованные книги. Он бесил своего преподавателя тем, что читал с опережением и забирал из библиотеки все книги, которые нужны были Хайне для подготовки к лекциям. Но вскоре его рвение было вознаграждено: он был назначен профессором в возрасте двадцати четырех лет. Этот блистательный, самоот-

²⁴ См.: Делбанко 2007.

²⁵ *Readings* 1996. P. 6.

верженный нонконформист парадоксальным образом стал образцом для подражания для следующих поколений студентов»²⁶.

Уильям Кларк в своей работе «Академическая харизма и возникновение исследовательского университета»²⁷ подчеркивает влияние ключевых фигур – академических харизматиков – на складывание университетских приоритетов и инновационных форм работы, корпоративного этиоса европейских университетов Нового времени. Важной составляющей академической харизмы он считает аскетизм повседневной жизни, подчиненность интересам науки. Описывая жизненные стили академиков, ставших примером аскетизма, он контекстуализирует подобные практики, отмечая, что «корни академического аскетизма следует искать в монастырской предыстории университета». И все-таки роль выдающихся личностей в формировании жизненных практик университетского общества оказывается для Кларка весомой и незаменимой, а сами правила коммунитарной жизни – несводимыми к заимствуемым институциональным образцам. Э. Графтон в своей рецензии на книгу Кларка иронизирует по поводу транслируемости академической аскезы:

«В XVIII и XIX столетиях профессорский аскетизм... принял новые формы – преимущественно творческих достижений поистине эпического, а иногда и эксцентрического свойства. Идеальный профессор сегодняшнего образца обладает признаками усталости и духовного истощения: величие ума и глубина эрудиции, как и красота, могут быть достигнуты лишь путем страдания»²⁸.

Если Кларк в своем исследовании сосредоточен, преимущественно, на инкорпорировании практик (и добродетелей) академических харизматиков в университетский этиос, рассматривая университет как палимпсест, сочетающий рациональные структуры, формальные установления и личный опыт университетариев, то Стефен Мелвилл в очень личном тексте «In Memoriam», посвященном памяти Билла Ридингса, указывает на расхождение логики сообщества и университета. Он упоминает особую роль спортивных игр, образующих драматургию повседневной жизни сообщества, соединяющих его участников не корпоративной логикой, но собственными, спонтанно созданными сценариями, дающих сообществу возможность состояться на собственных условиях:

²⁶ Цит. по: *Графтон* 2006. С. 409.

²⁷ *Clark* 2006.

²⁸ *Графтон* 2006. С. 408.

«Совместная игра стала настоящим служением. Оно не посвящалось кафедре или профессиональной карьере, университет не был готов признать его значение ... Это было развлечением, и это было важно»²⁹.

Таким образом, поиск в повседневной жизни академиков «человеческих интересов», выходящих за границы университетской корпоративности – это, в определенном смысле, и поиск оснований самоорганизации сообщества, новых сценариев коммунитарной жизни, совместного социального творчества:

«Однажды... коллега спросил меня – играю ли я в теннис? Я ответил отрицательно. Он среагировал мгновенно: Очень плохо, я надеялся, что они наконец-то примут на работу живого человека»³⁰.

Университетская событийность

Исследование событийности направлено на обнаружение событий, проявляющих основные смыслы и логику взаимодействия сообщества, поддерживающих его как целостность, (вос)производящих иерархичность, создающих разделенные способы чувствования – расставляющих эмоциональные акценты. События становятся механизмом включения/исключения человека из жизни группы.

Наиболее часто исследователи обращаются к изучению ритуализированной событийности университетов (праздникам, церемониям посвящения и пр.), достаточно доступной для исследовательского анализа в силу своей повторяемости и артикулированной ценности – стабилизации и мобилизации сообщества, формированию и проявлению его идентичности. Однако регулярно воспроизводимые ритуалы могут утрачивать свое значение в жизни группы или менять смысловое насыщение, требуя постоянной исследовательской ревизии смыслов устоявшихся форм взаимодействий, чтобы через изменение значения событийности говорить о переопределении социального целого. Так Э. Графтон отмечает, что университетские церемонии (как воплощение истории и верности традициям) сегодня важны не только для внутренней жизни сообщества, но и, наряду с другими обстоятельствами, становятся важной частью университетского брендинга – позиционирования университета на рынке образовательных услуг:

²⁹ *Melville* 1996. P. 15–16.

³⁰ *Ibid.* P. 8–9.

«Современные вузы искренне стремятся отыскать лучших преподавателей и ученых – тех, кто работает в своих областях на переднем крае развития науки, – но они хотят при этом сохранить традиционные аспекты университетской культуры и, подобно своим учителям, с важностью носить мантии. Они надеются, что некая неподдающаяся определению комбинация этих качеств привлечет в их вуз наилучший контингент семнадцатилетних абитуриентов»³¹.

Устойчивые взаимодействия, регулярная событийность, образующие календарь, ритмы жизни сообщества – лишь одна из возможных логик саморегуляции. Особое значение в жизни сообщества имеют происшествия, радикально переопределяющие условия существования группы, после которых «ничто уже не будет прежним», а также нерегулярные и локальные события, способствующие не радикальной трансформации, но реконфигурации сообщества – изменению иерархий, логики взаимодействия³² и пр. Их влияние зависит от сложившихся правил взаимодействия в конкретном сообществе, а роль в жизни сообщества подчеркивается эмоциональностью реакции задействованных участников, их воздействием на повседневную жизнь членов сообщества:

«...мне удалось стать непосредственным свидетелем сплетения эмоционального взрыва, войны статусов и философской драмы, имеющей центральное значение для общества... балийцы раскрываются у ринга для петушиных боев»³³.

Подобные происшествия создают особые формы солидарности – «сфокусированные собрания» – круг людей, увлеченных некоторым общим действием и относящихся друг к другу, исходя из обстоятельств этого действия – указывающие на многослойность и изменчивость жизни сообщества, значение событийности для формирования сценариев группового взаимодействия.

Университетская регуляция и саморегуляция

Конфликт, играя совершенно особую роль в жизни университетского сообщества, приобретает, по словам П. Бурдье, форму религиозных

³¹ Графтон 2006. С. 408.

³² Гири 2004.

³³ Там же. С. 478.

войн³⁴, крайне редко попадает в сферу интересов исследователей университетов. Беспроblemность и бесконфликтность, таким образом, выдают себя как неотъемлемые составляющие университетской доксы. Вместе с тем изучение академических конфликтов могло бы быть крайне плодотворным. Именно внимание к противоречиям позволяет передать динамичность университетской жизни – формирование и трансформацию университетского сообщества, определение его границ, системы идентификаций, групповой солидарности³⁵. Интерес к конфликту как к особому состоянию проявляет его значимость в жизни сообщества и институции, его состоятельность как механизма артикуляции и согласования индивидуальных и групповых интересов, способа «принятия совместных решений, целеполагания и выработки программы совместных действий»³⁶. Помимо прочего, исследование конфликта позволяет обозначить конфигурацию власти, вскрыть логику символического доминирования в пространстве академии, обнаружить ее зависимость/автономность от других социальных пространств и центров влияния. Изучение академических конфликтов, таким образом, позволяет «масштабировать» рассмотрение академии, переходить от рассмотрения микропрактик к обнаружению общей логики организации и взаимодействия элементов социального пространства.

Конфликт: сообщество и институциональные рамки

Продуктивной стратегией рассмотрения университетского сообщества и институциональных рамок его существования может оказаться подход, предлагаемый Ш. Муфф для понимания «политики» и «политического». Муфф отталкивается от решающей роли антагонизмов в формировании социальности. Понимая под «“политическим” антагонизмы, которые делают человеческое общество таким, каким оно является», Муфф называет «политикой» «набор практик и институтов, ответственных за поддержание порядка, за обеспечение сосуществования людей в условиях, порождаемых флуктуациями политического»³⁷. Таким образом, кон-

³⁴ Бурдые 1996.

³⁵ Козер 2000.

³⁶ Вебер 2004. Р. 11.

³⁷ Муфф 2008.

фликт в обществе/сообществе интерпретируется как некоторая регламентированная форма, существующая в институционально заданных рамках, предопределяющих особые арены, перформативные и риторические сценарии противостояния. Описание развития конфликта в его институционально регламентированных формах обращает внимание на деятельность легитимных пространств обозначения противоречий или «публичных арен»³⁸, обнаружение которых в университетской жизни представляет увлекательную исследовательскую задачу. Функционирование публичных арен связывается с действиями «функционеров» – заявителей требований, механизмом отбора проблемных, конфликтных случаев, отражающим принципы действия институции, пропускной способностью арен и институциональными ритмами. Хилгартнер и Боск рассматривают артикуляцию проблемных ситуаций как подвижную, изменчивую практику, способную развиваться на различных публичных аренах, усиливая свое значение одновременным «захватом» нескольких риторических пространств. Заметим, что теории Муфф, Хилгартнера и Боска изначально направлены на описание социального порядка в целом, а не существование отдельных социальных пространств, поэтому для их применения к изучению университетской жизни могут потребоваться определенные процедуры опосредования. Вместе с тем обозначенные теории со всей очевидностью ставят вопрос об особенностях риторики конфликта, площадках, где он может разворачиваться, участниках противостояний, озвучивающих требования, и способах их депроблематизации – лишения обозначенной проблемы значимости. Все эти взаимодействия раскрывают конфигурацию университетских сил, проявляя интересы участников взаимодействия и иерархии сообщества, принятые формы интеракции.

Конкуренция интересов, производство номинаций и академическая автономия

Подход к пониманию академической несогласованности, предлагаемый П. Бурдьё в его работе “*Homo Academicus*”³⁹, определяет университет как конкурентное пространство, в котором основные игроки соревнуются за доступ к ресурсам (видам капиталов) – власти, финансам, куль-

³⁸ Хилгартнер, Боск 2000.

³⁹ Bourdieu 1984.

турному и символическому капиталам⁴⁰. Цель конкуренции, разворачивающейся на разных уровнях (например, между факультетами и профессорами, профессорами и студентами) – завоевание исключительного права на доступ к ресурсам и влиянию:

«...подумайте о преподавателе, в особенности, о преподавателе философии, который своим тридцати или ста студентам в год предлагает свою продукцию, произведенную в почти исключительно монопольной позиции и распространяемую на маленьком защищенном рынке... Подобного рода механизмы могут лишь удвоить эффект символического принуждения некоего частного определения культуры и одновременно лишения всего того, что не входит в это определение»⁴¹.

Борьба за влияние не ограничивается пространством университета и инкорпорацией определенных видов капитала. Позиции, занимаемые агентами в других значимых полях, обладание определенными видами капитала могут конвертироваться в университетские позиции или использоваться для противостояния им. Так, например, значимые фигуры культурного производства, определяющие самый широкий интеллектуальный ландшафт, избавлены от необходимости конкурировать в пространстве университета, но само пространство конкуренции в данном случае бесконечно расширяется.

Понимание социального пространства как арены борьбы за значимые виды капитала – одна из центральных идей социальной теории П. Бурдьё. Университет оказывается встроенным в общую культурную логику конкуренции и противостояния. Вместе с тем, по мнению Бурдьё, университетские конфликты (как и конфликты связанные с культурой, воспитанием) – особенные, отличающиеся высокой интенсивностью. Накал противостояния предопределен особой ролью университета в системе символического производства – созданием классификаций и их артикуляцией. Участники символического производства, постоянно подкрепляя классификации своей профессиональной деятельностью (например, дисциплинарной), хабиитуализируют классификации, становятся их «живыми воплощениями»:

«По сути, они отстаивают свои ментальные структуры, свое представление о самих себе, свои ценности и свою ценность, принцип классификации (*nomos*), согласно которому все то, что они делали

⁴⁰ Бурдьё 2005.

⁴¹ Бурдьё 1996.

в течение своей жизни, имеет ценность. Они защищают свою “шкуру”»⁴².

Выступая пространством интенсивного «производства здравого смысла»⁴³, классификаций, упорядочивающих научный и социальный мир, университет и университетские структуры исполняют роли легитимных агентов номинации, создающих эксплицитно и публично легитимное видение социального мира⁴⁴. В этой связи вопрос о праве на номинацию, установление конфигурации символической власти приобретает особое значение. Право на номинацию рассматривается как инструмент управления символическими и материальными ресурсами посредством определения позиций агентов в иерархической системе званий и соответствующих званию привилегий. Вместе с тем агенты могут выстраивать и собственные траектории в системе официальной таксономии, стремясь занять более престижную позицию, повысить значимость собственной деятельности:

«Агенты прибегают к практической или символической стратегии с целью максимизировать символическую прибыль от номинации: например, они могут отказываться от гарантированных для определенного поста денежных пособий, чтобы занять позицию, менее оплачиваемую, но с более престижным названием, или обратиться к позиции, название которой более расплывчато, чтобы избежать тем самым эффекта символической девальвации. В более общем виде агенты всегда имеют выбор между несколькими названиями и могут играть на неизвестности и неопределенности, связанных со множественностью перспектив, чтобы постараться избежать приговора официальной таксономии»⁴⁵.

Особенность академического пространства, по мнению П. Бурдьё, проявляется в его автономности, предполагающей, наряду с подчиненностью общим социальным закономерностям, наличие собственной логики действия⁴⁶. Признание автономности академического пространства не является конечной целью теоретических построений Бурдьё, его задача заключается в определении механизмов, обеспечивающих обособленность академии, а именно:

⁴² Бурдьё 1996.

⁴³ Бурдьё 1993. С. 72.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 74–75.

⁴⁶ Бурдьё 2001. С. 53.

«какие механизмы использует микрокосм, чтобы освободиться от... внешних принуждений и быть в состоянии признавать только свои собственные внутренние детерминации»⁴⁷.

Одним из основных способов обеспечения автономии Бурдые считает рефракцию – «способность переводить внешние принуждения и требования в специфическую форму. Чем более автономно поле, тем сильнее его способность к рефракции, тем больше изменений претерпевают внешние воздействия, часто до такой степени, что становятся совершенно неузнаваемыми»⁴⁸. Таким образом, уровень автономности академического поля определяется силой его рефракции и радикальностью изменения внешних принуждений, степенью их приспособления к внутренней логике академии.

Автономность определенного поля может быть представлена как континуум, где полюсу автономии противостоит гетерономия – способность внешних систем определять логику поля, основанная на слабости его сопротивления внешним принуждениям, ограниченной способности отстаивать свою логику, защищать значимость собственных позиций и компетенций:

«Гетерономия поля в основном проявляется в том, что внешние проблемы, особенно политические, находят в нем свое прямое выражение. Это говорит о том, что «политизация» дисциплины является показателем ее слабой автономии, и одна из основных трудностей, с которыми сталкиваются социальные науки в своем стремлении к автономии, состоит в том, что малокомпетентные, с точки зрения специфических норм поля, люди имеют возможность вторгаться в него, действуя от имени гетерономных принципов, вместо того чтобы быть немедленно дисквалифицированными»⁴⁹.

По мнению Бурдые, академическое поле может представлять и как целостность, и как фрагментированность. Последнее возможно, если разные части поля обладают разной силой сопротивления внешнему давлению.

Описывая относительную автономию академии, Бурдые обращает внимание на ее роль в производстве социальных классификаций и соответствующих жизненных траекторий. Академия воспроизводит и усиливает социальное неравенство, «позволяя состояться множеству независи-

⁴⁷ Бурдые 2001. С. 53.

⁴⁸ Там же. С. 53.

⁴⁹ Там же. С. 54.

мых, но институционально синхронизированных стратегий социального воспроизводства, определяемых инстинктом социального консерватизма, присущего... доминантным группам»⁵⁰.

Предпринятый Бурдьё анализ профессиональных траекторий выпускников *École Normale Supérieure* показывает, как доминирующая классовая позиция (принадлежность к высшим классам) имеет все шансы конвертироваться в высокую академическую позицию. Таким образом, университетская система, в определенной степени, нивелирует роль класса, но лишь затем, чтобы заменить классовое доминирование новыми видами символического господства.

При всей продуктивности аналитической перспективы, предлагаемой П. Бурдьё, у нее есть мощная оппозиция. Основные недостатки подхода, по версии критиков, включают в себя: (а) признание конфликта атрибутивной характеристикой академии, и, следовательно, – основным аналитическим фокусом; его универсализация; (б) описание сущности конфликта в терминах бинарной оппозиции – борьбы за доминирующие позиции; редуцирование всей множественности академических противостояний и противоречий; (в) рассмотрение академического конфликта в логике конфликта производства номинаций – структурирования социального поля, что во многом переносит внимание с исследования жизни сообщества на анализ дискурсивных форм и вызывает резкую критику сторонников антропологической перспективы. Отмеченные недостатки делают весьма проблематичным использование перспективы Бурдьё в качестве аналитической рамки исследования, что подчеркивается аналитиками академических сообществ:

«Была долгая сложная история попыток использовать его еще в более ранних исследованиях, которые лично для меня закончилось уверенностью, что ни в России, ни во многих других случаях использовать его нет большого смысла. Это такая очень привлекательная схема... Но когда мы начинаем присматриваться в деталях, например, само понятие «автономия» приобретает очень разные смыслы, которые под влиянием Бурдьё обычно схлопываются в один-единственный. То есть это простой способ вписать очень много разных форм конфликта в одну-единственную простую бинарную оппозицию, который был для нас не очень убедителен»⁵¹.

⁵⁰ Bourdieu 1984. P. 150.

⁵¹ Соколов 2011.

Возможным выходом из обозначенного противоречия может стать постоянная проблематизация используемых категорий, чуткость к эмическим представлениям.

Университетские общности и производство социальной структуры

Исследование университета задействует множество оптик, подразумевает различные точки отсчета. Одной из возможных перспектив рассмотрения университета становится его социальная контекстуализация – описание с точки зрения включенности в существующие способы социального структурирования и номинации.

Неовебериа́нский подход к исследованию социальных организаций⁵², как подход П. Бурдьё, проблематизирует положение университета как относительной автономии. Однако он рассматривает обособленность не как внутреннюю способность поля, но как результат социального взаимодействия. Неовебериа́нский анализ задействует два регистра рассмотрения: анализ сообщества и макро-контекстов, определяющих его положение в социальной структуре общества. По мнению теоретиков, он возвращает в исследование историческую и структурную макросоциологическую оптику, позволяющую контекстуализировать социальные явления, предпринимая попытку сочетать ее с рассмотрением самих обществ.

Исходной точкой теоретизирования в рамках неовебериа́нского подхода служит идея М. Вебера о гетерогенности социального ландшафта капиталистического общества и наличии в нем определенных социальных «автономий». Вебер отмечал, что наряду с господствующим в капиталистическом обществе экономическим порядком, обуславливающим формирование классов, в нем существуют и условия для производства «неэкономических» – «статусных групп». Отличительными чертами статусных групп считаются: во-первых, связанность непосредственными взаимодействиями – в терминах Вебера, они являются «нормальными

⁵² Одним из наиболее последовательных воплощений неовебериа́нского подхода является работа М. Сакса и Дж. Олсопа (см. *Сакс, Олсон* 2003). Анализ опыта использования неовебериа́нского подхода в исследованиях организаций см. также: *Мансуров, Юрченко* 2009; *Абрамов* 2009.

сообществами»; во-вторых, обусловленность их общественного положения не позицией, занимаемой на рынке труда, но доступом к определенным почестям и привилегиям – статусом в системе стратификации⁵³:

«В противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны... По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей»⁵⁴.

Статусные группы весьма условно можно описать как «сословные группы в несловном обществе». Особенность положения такой группы подчеркивается социальной дистанцией и исключительным характером ее привилегий. Использование категории «статусная группа» актуализирует значимость статусных иерархий, а также указывает на важность стиля жизни (стиля потребления, общения, особого характера заключаемых браков и пр.) в конституировании общности. Конвенция, дающая статусной группе возможность принимать почести, поддерживается силой внутригруппового мнения и действий, а также особенностью общественного отношения к ней. Закреплению конвенции, переводу почестей в легальные привилегии, способствует получение группой власти и укрепление ее социальной позиции:

«Статусная группа встраивается в общество, борется за знаки почета, признание, отстаивает свои иерархические позиции. Она выступает в конкуренцию с другими группами, переопределяет свою территорию, эволюционирует в сторону открытости или закрытости. Кроме того, она претерпевает и внутренние трансформации – организуется, иерархизируется, распределяет власть и регламентирует внутренний доступ к благам и почестям»⁵⁵.

Таким образом, степень открытости-закрытости статусной группы, ее автономии – важный вопрос для (нео)веберовского анализа. Ряд неовеберовских аналитиков рассматривает профессиональные и статусные группы как тождественные. Обращаясь к историческому анализу положения медицинских работников Англии, английские исследователи Сакс и Олсоп приходят к выводу, что основания относительной автономии профессиональных групп в условиях развития рынка и усиления государственного влияния следует искать в формировании действенных ме-

⁵³ Larson 1977.

⁵⁴ Вебер 1994. С. 169–183.

⁵⁵ Гадеа 2011. С. 25.

ханизмов самоорганизации и саморегуляции сообществ. Такими механизмами выступают независимые профессиональные ассоциации, чье право на саморегуляцию сообщества со временем закрепляется законом. Именно «работающие» профессиональные ассоциации становятся «механизмом, который позволил... отгородиться от влияния развивающегося национального государства и организованного капитала»⁵⁶.

Эффективность самоорганизации профессиональных сообществ нельзя считать величиной постоянной. В случае неспособности профессиональной ассоциации к действенной саморегуляции (предопределяющей успешность ее ответа на запросы общества), общественная конвенция переопределяется, расширяя возможности государственного или рыночного регулирования профессиональной деятельности. Научные сообщества, по мнению Сакса и Олсопа, выступают примером наиболее ранних профессиональных ассоциаций, обладающих «самоуправлением в том смысле, что они самостоятельно разрабатывали хартии, в соответствии с требованиями которых осуществлялось обучение, а также контроль допуска и исключения из профессионального сообщества. Им свойственен принцип высокой самоорганизации и коллективного управления частными интересами членов группы»⁵⁷.

При всей потенциальной плодотворности (нео)веберианского анализа университетского сообщества, позволяющего сочетать исследования сообщества и социальных контекстов, определяющих его существование, стоит оговорить и его ограничения. Во-первых, очевидную увлеченность макроанализом, повышенное внимание к структурным условиям, определяющим состояние академического сообщества. Неслучайно критики неовеберианства указывают на его ощутимое сходство с функционалистской традицией. Во-вторых, очевидное сужение многообразия мотивации социальных акторов – признание константности мотивов действия статусных/профессиональных групп, сводящихся теоретиками к установлению контроля над ограниченными ресурсами⁵⁸, стремлению монополизировать рынки труда и стратификационные позиции:

⁵⁶ Сакс, Олсон 2003.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Примером фиксированных смыслов действий, приписываемых в неовеберианском подходе профессиональным группам, можно считать определение традиционной профессии как *группы интересов*, которым удалось занять *монополистическую позицию* на определенных рынках труда (здравоохранения, юридических услуг, образования и науки). Групповые интересы реализуются посредством: (а) выделения собственной уникальной области знания и трансформации ее в социальный престиж, (б) формирования

«Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации»⁵⁹.

Траектория рассмотрения академического сообщества, выбранная М. Соколовым, отчасти близка к неовеберовской перспективе, сочетая внимание к сообществу с рассмотрением значимых контекстов его существования. В центре внимания автора оказывается репутация ученых как один из механизмов внутренней саморегуляции сообщества (а значит, и его относительной автономии), проявляющий его ценностные приоритеты и иерархии, расстановку сил и логику взаимодействия, а также структурные условия ее производства. Конstellация обстоятельств, определяющая репутацию и ее значение в академических взаимодействиях, образуется:

– «моральной плотностью» – связанностью сообщества, наличием в нем устойчивых каналов коммуникации, регулярного взаимодействия, создающего ситуацию «все у всех все время на виду»⁶⁰;

– значимостью сообщества в целом, и отдельных его участников как потенциальных работодателей/коллег в ситуации мобильного рынка труда, высокой академической мобильности;

– культурным контекстом – идеей *fair play*, поддерживаемой особенностью институциональной организации университетской системы – рейтинговыми и рыночными механизмами. Так, занимающий высокую позицию университет (исследователь) постоянно доказывает другим легитимность обладания определенным местом в системе: «Время доказательства своего превосходства лежит на том, кто это превосходство доказывает. Рассеивать подозрения – это работа того, кого подозревают»⁶¹.

М. Соколов отмечает, что сформулированные тезисы о значении репутации и механизмах ее социального и культурного производства во

идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу; (в) создания профессиональных организаций, ассоциаций; (г) практик социального закрытия; (д) контроля реализации профессионального проекта (см.: Мансуров, Юрченко 2009. С. 42).

⁵⁹ Larson 1977. P. 66.

⁶⁰ Соколов 2011 (b).

⁶¹ Там же. 2011 (b).

многим носят гипотетический характер. Это, скорее, исследовательские предположения, требующие постоянного подтверждения и справедливые для определенных фрагментов академического ландшафта, чем универсальные закономерности, проявляющие логику жизни академического сообщества.

Внимание современных исследователей к профессиональным группам, способам их самоорганизации и социальным ролям – важный поворот в исследовании профессиональной структуры общества. В определенной степени он соответствует ранее обозначенной нами антропологической оптике, хотя в данном случае корректнее было бы говорить о «групповой оптике» анализа. В своей программной статье Ш. Гадея предлагает сфокусироваться на изучении профессиональных групп как «коллективных сущностей, объединяющих индивидов, связанных близостью позиций в разделении труда, и сходством осуществляемой ими трудовой деятельности»⁶². Причем «групповая оптика» признается не догмой, но одним из возможных ракурсов рассмотрения социальных отношений, позволяющим установить «возможный отпечаток конкретного действия профессиональных групп в качестве модальности социальной связи»⁶³. Подобная оптика предполагает возможность сочетания синхронного анализа группы – рассмотрения солидарности, взаимной идентификации членов группы, согласования их интересов, материальных и символических связей – с диахронным анализом ее изменений и трансформаций значимых социальных контекстов.

Пространство университета. Университет в пространстве города

Университетская жизнь всегда разворачивается в определенных пространствах. Используя различные масштабы рассмотрения, мы можем говорить об особом «пространстве и времени университета»⁶⁴, а также о его многообразных связях с «внешним миром». Университетское пространство и темпоральность образуются разделенными пространствами университетских построек, лекционных залов, библиотек, лабораторий

⁶² Гадея 2011. С. 24.

⁶³ Там же. С. 28.

⁶⁴ Bourdieu, Passeron 1979. P. 29.

и общежитий, особой ритмикой университетской жизни, создающими «атмосферу защищенности и исследовательского поиска, временно отделяющую»⁶⁵ университетариев от неуниверситетского мира. Будучи особым местом, университет оказывается не только отделенным от внешнего мира, но и соединенным множеством повседневных связей с другими пространствами.

Рассматривая связь «университетских людей» с их непосредственным городским окружением, описывая историю университетов как развивающуюся в конкретных городских контекстах⁶⁶, исследователи стремятся преодолеть во многом типичный для социальных наук «взгляд одновременно отовсюду и конкретно ниоткуда». Аналитики предостерегают от нецелесообразного и крайне абстрактного разговора о городе и университете «вообще», подчеркивая различие историй и логик подобного взаимодействия⁶⁷.

Примером анализа, сосредоточенного на обозначении различий в отношениях «университет-город», можно считать работу Д. Чарльза «Университеты и их взаимодействие с городами, регионами и местными сообществами»⁶⁸. Не стремясь к созданию классификации или установлению какой-либо сопоставимости, не всегда выдерживая четкие логические критерии, Д. Чарльз выделяет следующие группы отношений университетов и городов в Великобритании:

«Первая группа представлена широко известными университетскими городами, такими, как Кембридж, Оксфорд. Эти города выросли и развивались вокруг университетов, а кампусы, как с физической, так и с функциональной точек зрения, всегда доминировали над историческими центрами своих городов. На сегодняшний день эти города и университеты воспринимаются как единое целое, несмотря на то, что сами университеты в первую очередь ориентированы на международную аудиторию, а между местным населением и обособленными университетскими городками складывается напряженность.

Вторая группа – противоположность городам-университетам – это университеты, ассоциируемые с городом, как правило, это недавние университеты, выросшие из бывших политехнических институтов, которые формировались в определенных городах. Третью группу со-

⁶⁵ Chatterton 1999. P. 119.

⁶⁶ См.: Маурер, Дмитриев 2009.

⁶⁷ Van der Wusten 1997. P. 4.

⁶⁸ Charles 2005.

ставляют “городские” (“civic”) университеты, выходящие за пределы городов, имеющие региональное значение, но изначально создаваемые при значительном участии городских властей. В отличие от «городских» университетов, локализованных в городах, но ориентированных на потребности регионов, существует другая группа университетов, располагающихся за пределами города (out-of-town campuses) и демонстрирующих отсутствие тесных связей с городом»⁶⁹.

Как можно заметить из приведенного примера, связь университета и города определяется не только логикой их собственных отношений, но и включением (как университета, так и города) в более широкие контексты – региональные, национальные, глобальные. Существование в нескольких пересекающихся реальностях зачастую увеличивает сложность описания отношений «университет – город», требует учета множественных контекстов, формирующих взаимодействие.

Особый статус города (его столичность, региональная значимость) предполагает дополнительные возможности для развития университета, открывая доступ к широкому ряду ресурсов, и в то же время – накладывая определенные ограничения (пространственные, политические и др.) на университетскую жизнь. При этом отношения университета и города представляют собой постоянный диалог и взаимную настройку, варьирующуюся от относительной хозяйственной, правовой, культурной изоляции и автономии до приспособления и взаимных изменений. Такая взаимная адаптация означает, что и город может использовать различные ресурсы университета, в том числе и символические. Университет при этом входит в число городских «иконических объектов», репрезентирующих город, повышающих его статус. В этом случае, у университета появляются дополнительные основания рассчитывать на более выраженную поддержку городских властей и горожан.

Обращаясь к отношениям, складывающимся между городами и университетами, исследователи нередко рассматривают их как обмен возможностями и значимыми ресурсами. К примеру, появление университета в уже обжитом городе предполагает широкое использование университетскими профессорами и студентами возможностей, предоставляемых городской жизнью (как, например, публичные пространства – библиотеки, музеи, выставочные залы, развитый рынок жилья – городская инфраструктура, интенсивная культурная жизнь и многое другое), при этом сам университет постепенно превращается в значимую часть городского

⁶⁹ Краткое изложение идей Д. Чарльза см.: *Перфильева* 2011. С. 135.

публичного пространства⁷⁰. Университет способен стать структурирующим центром городского района или города в целом⁷¹, а также особого пространства – университетского города или кампуса, формируя особую среду, соответствующую запросам университетских обитателей.

Развитие кампусов ставит под сомнение городской «дух» университетов. Будучи во многих случаях принципиально анти-городским проектом⁷², к достоинствам которого, помимо прочего, его создатели относили «изолированность от городской суеты и безумств современного общества»⁷³, кампус превращает университетскую жизнь в основание жизненного уклада местного сообщества, формирует особое пространство, призванное максимально проявить «академические и общественные качества» его обитателей⁷⁴, создает социальную среду небольшого поселения. Кампус подчеркивает и усиливает «самодостаточность университетской жизни, а значит, и ее самостоятельность»⁷⁵.

Признавая множественное влияние университета на городскую жизнь (экономическое, политическое, культурное), исследователи рассматривают университетскую среду как иницилирующую и катализирующую ряд городских процессов, способствующую формированию новых городских пространств и практик. В частности, российские исследователи признают особый вклад университетов в формирование публичного пространства российских городов XVIII–XIX веков, отмечая их выраженное «цивилизующее» влияние:

«Сама логика университетской жизни диктовала другое. Университет жил открыто, сея навыки нового, цивилизованного быта. Публичные действия, связанные с функционированием университета – торжественные церемонии и ученые торжества, открытые диспуты, где студенты должны были полемизировать в присутствии зрителей, лекции с демонстрацией физических опытов, процедуры награждения отличников и т.п. – все это нетрадиционные, новые по сути своей ритуалы, которые играли особую роль в усвоении населением города нового культурного опыта. Постепенно в него втягивались и горожане, переходя от незнания, удивления и любопытства – до включенности в но-

⁷⁰ *Bender* 1997. P. 17–47.

⁷¹ См.: *Perry, Wiewel* 2005; *Chatterton* 2010.

⁷² *Bender* 1988.

⁷³ Из речи Даниэля К. Гилмана (1876) – первого президента The John Hopkins University. Цит. по: *Bender* 1997.

⁷⁴ *Muthesius* 2000.

⁷⁵ *Muthesius* 2000. P. 24.

вую культурную деятельность. Университетский театр стал общедоступным (университетская группа фактически эволюционировала в сторону публичного городского театра). Библиотека университета стала первой публичной библиотекой Москвы. Физические лекции с демонстрацией эффективных опытов были публичными»⁷⁶.

Университет, таким образом, идентифицируется как один из важнейших агентов, меняющих повседневную жизнь горожан, формирующих новые условия городской жизни. Однако открытым остается вопрос о значимости роли университета в процессе «цивилизации», соотношении университетских усилий и действий других городских структур или публичных пространств, а также реакции горожан на университетские новации, их включенность в поле новых культурных практик. Состоятельность университета как публичного пространства (в том числе и городского) усиливает общественный резонанс университетских событий, укрепляет значение университета как политической арены. Университетские волнения, неоднократно выплескивавшиеся в городское пространство, становились основаниями переопределения конвенций городской жизни, а также вполне материальных ответов на угрозу стабильности (к которым можно отнести развитие «бункерной архитектуры» в ответ на студенческие восстания 1960-х).

Последние исследования, оценивающие влияние университетов и университетской публики на городскую жизнь, все чаще рассматривают этот процесс не со стороны университетов, но со стороны горожан. Изменение оптики приводит и к переоценке взаимодействия. В поле зрения исследователей попадают не только позитивные изменения, но и неблагоприятные эффекты взаимодействия, обнаруживаются противоречия городской жизни, обостряемые университетами как крупными капиталистическими корпорациями, играющими особую роль в современной экономике знаний. Выступая в роли одного из ключевых игроков городской жизни, университеты определяют стратегии развития крупных городов, формируют масштабные рынки недвижимости, труда и потребительские рынки. Этот процесс в определенной степени находится в русле традиционного влияния университетов на городскую экономику. Однако усилившийся в последние десятилетия процесс «студентификации»⁷⁷ – резкого увеличения числа студентов и возрастания культурной

⁷⁶ Кулакова 2002.

⁷⁷ Smith 2005.

ценности периода студенческой жизни⁷⁸ – по мнению исследователей, способствовал изменению конфигурации ряда крупных городов (основным предметом исследования в данном случае выступают британские города). Коммерциализация городской жизни, поддерживаемая университетами и студентами, превратившимися в основных потребителей городских сервисов и пространств, формирует особые пространства ограниченной доступности (ценовой, физической, символической), усиливает процессы джентрификации и фактически отчуждает часть городских пространств, ощутимо меняя ландшафт города. Таким образом, можно заметить, что университеты не только принимают активное участие в производстве городского публичного пространства, но и способствуют его отчуждению и приватизации.

Взаимодействия горожан и университетской публики нередко описываются в литературе как стихийные повседневные встречи и коммуникации, определяемые общностью разделяемого городского пространства⁷⁹. Вместе с тем подобные взаимодействия могут быть частью вполне осознанной стратегии. Отношения «университет – местное сообщество» – одна из наиболее обсуждаемых тем в современной дискуссии, связанной с университетами. Превращение университета в современную капиталистическую корпорацию – крупного агента, балансирующего в различных системах координат (от городской до глобальной), по мнению ряда авторов, делает неизбежной его ответственность за состояние местных сообществ. Действия университета, таким образом, лишаются специфичности образовательной институции и подчиняются общей логике функционирования бизнес-структур.

Университет как организация

Рассмотрение университета как особого типа организации – достаточно распространенная исследовательская перспектива, изначально инспирированная структурно-функциональным анализом и, соответственно, принимающая на себя все ранее обозначенные критические замечания. Используемая в структурном функционализме макроаналитическая перспектива, фокусирующаяся на образовательной системе в целом, как

⁷⁸ Chatterton 2010. P. 514.

⁷⁹ Маурер, Дмитриев 2009.

правило, игнорировала значение университета, понимая его скорее как одну из организаций, реализующих общую задачу образовательной системы – трансляцию знания:

«Ясно, что образование как социальное явление в содержательном отношении есть не что иное как передача знания, его восприятие и усвоение (приобретение, присвоение) в ходе социального взаимодействия педагогов и учащихся»⁸⁰.

Вместе с тем реалии американской децентрализованной университетской системы стали отправной точкой для ревизии универсалистского подхода, столь свойственного классическому функционализму, подчеркивая значимость изучения конкретных университетов, отличающихся условиями деятельности, качеством образования, ролью в воспроизводстве социальной элиты^{81, 82}.

В центре внимания неофункционализма оказывается взаимодействие университетов и социальных систем⁸³. При этом логика их взаимодействия определяется заранее обозначенными функциями академии – подготовкой профессионалов и воспроизводством элиты. Задачи отдельного университета фиксируются «организационной хартией»⁸⁴ – договоренностью между университетом и другими социальными структурами на право «изменения людей» – особенно тщательного отбора поступающих для их последующей статусной мобильности:

«Каждая социализирующая организация обладает важнейшими чертами, расположенными вне ее собственной структуры и образующими особые отношения с ее социальным окружением. ... Каждый знает, что определенные школы или типы школ выпускают успешных людей, и если они знают, что другие – работодатели, различные структуры, связанные с трудоустройством – знают и принимают это, то школы становятся обладателями бесценного ресурса в обозначении своих требований к поступающим»⁸⁵.

Организационную хартию нельзя назвать универсальным социальным соглашением. Она заключается между конкретными социальными

⁸⁰ *Зборовский* 1997. С. 13.

⁸¹ *Clark* 1971.

⁸² *Kamens* 1974.

⁸³ Что в определенной степени сближает перспективы неофункционализма и неоверианства, чье сходство отмечается рядом аналитиков.

⁸⁴ *Meyer* 1970.

⁸⁵ *Meyer* 1970. Цит. по *Kamens* 1974. Р. 9.

агентами и зависит от их особенностей. Характер хартии, заключаемой между университетами и работодателями, во многом определяет «сага» – «особая организационная идентичность и традиция»⁸⁶. Воплощаясь в особых практиках взаимодействия (отношениях студентов и профессоров, междууниверситетских контактах, связях с работодателями), сага способствует формированию у выпускников университетов навыков, во многом определяющих их последующую мобильность.

Признание образования и социальной мобильности важнейшими функциями университета предопределило интерес неофункционалистов к двум основным участникам внутриорганизационного взаимодействия – преподавателям и студентам. Фигура «бюрократа» или администратора как профессионального управленца, обеспечивающего реализуемость образовательных технологий, не признавалась сколь либо значимой для достижения университетом его основных задач. Рефлексия ее значения, как и критика бюрократии в академических текстах середины 1990-х – начале 2000-х, будет связана с радикальным переопределением ее роли в рамках университета как экономической корпорации:

«Огромный бюрократический аппарат, его конформность, его восприятие студентами как фабричных продуктов – все это черты современного [американского] университета»⁸⁷.

Университет как экономическая корпорация

Сама постановка вопроса о возможности рассмотрения университета как экономической корпорации имеет длительную историю, оказывающую ощутимое влияние на обсуждение корпоративности университета на всем протяжении XX века. В начале XX века обсуждение идеи корпоративности университета приобретает особую значимость для американских университетов благодаря особой конфигурации их институциональных связей: в своей деятельности они более тесно взаимодействуют с бизнес-структурами и формирующимися потребительскими рынками, чем с государством.

Идея отождествления университета и экономической корпорации изначально вызывает протест социальных теоретиков (Веблен (1916), Син-

⁸⁶ См: *Clark* 1971; *Kamens* 1974.

⁸⁷ *Johnson et al.* 2003. P. 11.

клер (1923)), отстаивающих идею автономности университета и «решительно возражающих против самой возможности применения коммерческих стандартов к высшему образованию»⁸⁸. Однако к концу XX века вопрос для многих аналитиков оказывается решенным – университет признается аналогом корпорации, благодаря двум ключевым сходствам – системе менеджмента и основным принципам деятельности, включающим эффективность, предприимчивость и прибыльность⁸⁹.

Будучи частью системы символического производства, университет в той или иной степени экономизируется. В частности, он рассматривается как особый – «бюрократический»⁹⁰ – тип корпорации, в котором менеджер (администратор), обладающий навыками эффективного управления, становится основной фигурой влияния⁹¹, сосредотачивая в своих руках регулирование финансовых потоков, человеческих ресурсов, определение приоритетных направлений развития университета: «В своей недавней публикации “Университет как современный институт” ЮНЕСКО... сосредотачивает внимание на администраторе, а не на профессоре как центральной фигуре сегодняшнего университета. Основной задачей университета объявляется достижение финансового благополучия»⁹². Выявление и определение значения отдельных фигур (соответствующих определенным структурным позициям) в социальном пространстве университета помогает понять логику организации университетского поля, установить основные центры влияния, определяющие университетскую жизнь.

Интенсивная бюрократизация или менеджериализация⁹³ университетов – нередко называемая «академической управленческой революцией»⁹⁴ – разрушает логику их существования, изменяя принципы саморегуляции университетского сообщества, а значит, и подвергая сомнению его институциональную автономность: «На смену коллегиальной организации академического сообщества приходят принципы нового менеджериализма»⁹⁵. Транснациональная экономическая корпорация, управляемая профессии-

⁸⁸ *Donoghue* 2008. P. xiii.

⁸⁹ *Кларк* 2011.

⁹⁰ *Readings* 1996; *Hillis Miller* 1999.

⁹¹ *Бок* 2003.

⁹² *Readings* 1996.

⁹³ См.: *Дим* 2004.

⁹⁴ *Keller* 1983.

⁹⁵ *Абрамов* 2010.

ональными менеджерами – таково одно из основных определений современного университета⁹⁶.

Отождествление университета с экономической корпорацией не является лишь метафорой. Определенное сходство логик действия – следствие постоянной коммерциализации высшего образования, уменьшения государственной поддержки академии⁹⁷. Таким образом, современный университет не служит корпорациям, но в силу особенности своего положения вполне успешно имитирует их⁹⁸.

Аналитики обращают внимание на два сценария корпоративизации. Первый – подчеркивает включенность университетов в производство, их взаимодействие с крупными корпорациями – ориентированность на существующие рынки консультационных и экспертных услуг, производство в университетских лабораториях экспериментальных продуктов в сотрудничестве с крупными корпорациями. Второй сценарий включает ориентированность на потребительские рынки, использование способов продвижения и взаимодействия с потребителями услуг, которые обычно свойственны крупным игрокам потребительского рынка. И первый, и второй сценарий в большинстве случаев подвергаются критике, поскольку свидетельствуют о постепенном разрушении академической автономии, изменении логики регуляции академического сообщества, его взаимодействия с внешним окружением. Авторы обозначают негативные последствия корпоративизации, к которым относят⁹⁹:

– нарушение логики научного поля – ограничение циркуляции информации о проводимой научной работе и ее результатах. Подчиняясь коммерческим интересам, университеты стремятся избежать утечки информации, чтобы не потерять первенство в создании продукта и, соответственно, всей полноты выгоды, что противоположно логике научного знания, основанного на обмене идеями, постоянном движении информации¹⁰⁰;

– нарушение принципов академического взаимодействия – подрыв корпоративной солидарности и доверия, провоцируемый формированием новых иерархий, нередко не имеющих прямого отношения к акаде-

⁹⁶ См.: *Toward a Global Autonomous University: Cognitive Labour, the Production of Knowledge* 2010.

⁹⁷ *Slaughter; Rhoades* 2004.

⁹⁸ *Johnson et al.* 2003. P. 232.

⁹⁹ См.: *Shumar* 1997; *Бок* 2003; *Покровский* 2004; *Бауман* 2005; *Абрамов* 2010.

¹⁰⁰ *Бок* 2003.

мическим достижениям и ставящих под угрозу действенность саморегулирующих механизмов сообщества, значимость его ценностей;

– увеличение значимости индивидуальной карьеры, ее относительная независимость от академического сообщества (поддержка продвижения другими институциональными структурами или медиа¹⁰¹):

«[...] постепенное, но неуклонное изменение оснований, на которых возводятся и разрушаются научные репутации, публичная известность и общественное влияние. Эти основания, до поры до времени казавшиеся коллективной собственностью ученых мужей, еще в первой половине XX века перешли в ведение руководства издательских домов. Новые владельцы недолго, однако, управляли своей собственностью; прошло всего несколько десятилетий, и она вновь сменила владельца, перейдя в руки руководителей средств массовой информации. Интеллектуальное влияние... измерялось когда-то исключительно размером толпы учеников, собиравшихся отовсюду, чтобы услышать учителя; позже, и во все возрастающей степени, – количеством проданных экземпляров книги и оценками, данными ей критиками; однако оба этих критерия, пусть и не полностью, но в значительной мере сведены на нет телевидением и газетами. Для обозначения интеллектуального влияния ныне более уместна новая версия декартовского “я мыслю”: “обо мне говорят – следовательно, я существую”»¹⁰²;

– приобретение новых навыков и компетенций по самопродвижению, а также уменьшение академической вовлеченности и низкий интерес к включенности в работу академического сообщества (деятельность различных комиссий, ассоциаций и пр.):

«Это существенно меняет и стратификацию в среде преподавателей. Бесспорными лидерами в университетских сообществах становятся те из них, кто... постоянно работают над своим личным брендом на внешнем рынке, включая престижные премии, шумные публикации, связь со средствами массовой информации и пр. В рамках университета выживает тот, кто не только может произвести новое знание, но и обладает способностями выгодно его реализовать на рынке. В этом смысле предполагается, что каждый преподаватель должен иметь хотя бы минимальные таланты и в области менеджмента»¹⁰³;

¹⁰¹ См.: Бауман 2005.

¹⁰² Там же. С.168.

¹⁰³ Покровский 2004. Р. 154.

– изменение логики взаимодействия со студентами и внешним окружением, реинтерпретация студентов как клиентов, получающих образовательные услуги, а внешнего окружения – как потенциального рынка или союзника в достижении университетами целей стратегического развития. Логика усиления рыночной привлекательности университета, ориентированная на увеличение потока студентов, а значит, и повышение прибыли университета от образовательной деятельности, меняет характер образовательного взаимодействия, превращая его в “edutainment” – смесь развлечения и обучения, снижая в целом качество образовательных стандартов, подчиняя взаимодействие интересам студентов в логике «клиент всегда прав».

Приобретение университетом черт экономической корпорации ставит вопрос о сохранении университетами разделенных смыслов совместной деятельности (включая научную деятельность, образование и др.). По мнению Э. Делбанко, идеальный (или «воображаемый») университет умирает, если уже не умер. «Он уступил место расплывающемуся, диффузному новому образованию, которое уже не может быть адекватно описано. Для обозначения новой формы университетской корпорации аналитики предлагают использовать термин “мультиуниверситет”, впервые появившийся в речи президента University of California Кларка Керра почти 50 лет назад. Керр охарактеризовал университет как “совокупность отдельных факультетских антрепренеров, объединенных общими переживаниями относительно парковки”¹⁰⁴. Академия фактически обвиняется критиками в замене рациональности субстантивной на рациональность формальную – замене смысла существования университета логикой его повседневной деятельности. Помимо этого, в очередной раз признается “рыхлость”, фрагментированность университетского сообщества, не позволяющего ему состояться как взаимосвязанная и саморегулирующаяся целостность.

Теперь “мультиуниверситет” стал тем, что Майкл Кроу называет общеобразовательным предприятием, распоряжающимся знаниями (Comprehensive Knowledge Enterprise – СКЕ) – сетью корпораций, правительств и университетов, в которой местный кампус занимает все менее центральное место в плане исследовательской работы, консультирования и международного маркетинга – сфер деятельности, приносящих деньги и престиж»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ Kerr 1995. P. 15.

¹⁰⁵ Делбанко 2007. P. 313.

Новые «университетские гиганты» – университеты, действующие на глобальных рынках производства знаний и образовательных услуг, принимающие многотысячные потоки студентов, меняющие логику преподавания и университетского взаимодействия, по мнению аналитиков, не могут быть описаны в рамках классических моделей университетов и требуют выработки новых концепций. По замечанию А. Согомонова:

«Университеты, сохранив сегодня внешне классические формы институциональной идентичности, по сути, утратили в постсовременном мире свою прошлую субъектность. Кто сегодня выступает полноценным носителем университетского духа? Однозначного ответа – нет! И, наверное, не может быть»¹⁰⁶.

Оценки нынешнего положения университета нередко пронизаны апокалиптическими настроениями: признанием несоответствия университета как социального института, чьи нынешние черты кристаллизовались в эпоху модерности, реалиям постмодерного общества: (а) постоянной изменчивости требований к производимому и передаваемому знанию при относительной инерционности университета, (б) наличию множественных центров производства знания, расшатывающих интеллектуальную монополию университета, (в) возрастающей экономизации социальных взаимодействий, ведущей к упадку академической автономии¹⁰⁷. Подобная позиция продолжает перспективу рассмотрения «университета в руинах», предложенную Б. Ридингом, связывавшим кризис университета с разрушением его альянса с национальным государством, бравшим под свою защиту деятельность университета, который в свою очередь «хранил мысль государства»¹⁰⁸.

Вместе с тем ряд авторов чуть более оптимистично смотрят на университетское настоящее, оценивая происходящие метаморфозы университета не как утрату автономии, но как приобретение обособленности нового качества. Предполагается, что новые условия и новые социальные альянсы, частью которых оказывается университет, дают ему основание для обозначения на социальной арене требований, способных стать основанием укрепления университетской позиции. Суть нового положения университета в контексте институциональных трансформаций современного общества и изменения характера современного капитализма

¹⁰⁶ Согомонов 2006.

¹⁰⁷ Бауман 2005.

¹⁰⁸ Ридингс 2003.

Д. Роджеро обозначает как переход «из руин в кризис»¹⁰⁹. Основание осторожного оптимизма Роджеро заключается в рассмотрении университета как социальной структуры, не только формирующейся внешними воздействиями, приводящими к постепенному сокращению ее автономии, но и представляющей собой весьма эффективный институт, влияющий на конфигурацию общества когнитивного капитализма. Так, Роджеро указывает на двунаправленность происходящих процессов: (а) корпоративизацию университетов и параллельное превращение корпораций в университеты, создающие собственные постоянно действующие обучающие центры, заимствующие модели управления и самоорганизации, долгое время являвшиеся частью университетского сообщества; (б) сохранение университетами функции подготовки рабочей силы и в то же время превращение студентов в зачастую не признаваемую, но массовую рабочую силу, требующую особых прав и условий; (в) дополнение процесса джентрификации процессом студентификации – изменение конфигурации городского ландшафта под воздействием университетского сообщества, апроприацию городских пространств университетом.

Учитывая транснациональный, массовый характер современных университетов, изменения, вносимые ими в социальные и физические ландшафты городов и стран, вполне заметны и нуждаются в пристальном внимании и тщательном исследовании, избегающем однозначных оценок и апокалиптических версий. Роджеро отмечает, что описание современного состояния университета требует разработки нового словаря для фиксации происходящих изменений, избегающего однозначного определения происходящего малоинформативным термином «пост-университет».

Заключение

Интеллектуальный ландшафт исследований университета крайне многообразен, несмотря на то, что сам университет относительно недавно попадает в фокус социальных наук, будучи растворенным во множестве институций, формирующих систему образования. В данном тексте мы постарались обозначить основной набор исследовательских оптик, которые либо уже задействуются для изучения университета, либо ожида-

¹⁰⁹ Роджеро 2011.

ют своего времени для включения в проекты, открывающие новые горизонты университетских исследований. Доминирование макроподходов, сложившееся в поле исследования университетов до настоящего времени, предопределило его «панорамное видение», в то время как обращение к микроподходам поможет воссоздать подвижную, во многом стихийную и творческую картину университетской повседневности и особой академической событийности, показать освоение и изменение институциональных условий согласованными действиями университетариев. Рефлексивное переключение режимов видения представляется нам способом преодоления «университетской доксы», долгое время предопределявшей не только направленность взгляда исследователя, но и саму особенность зрения.

Библиография

Абрамов Р. Социологические интерпретации профессий Р. Дингуэлла: к пониманию англосаксонской традиции исследования занятий // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009.

Абрамов Р. Академическая автономия: образы и реальность современного университета, 2010 (www.econorus.org/onim/upload/jw57.doc).

Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. М.: Логос, 2005.

Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации // Отечественные записки. 2003. № 6 (15) (http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_18.html).

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / пер. с фр. М.: Логос, 1993.

Бурдые П. Университетская докса // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1996 (<http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij>).

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.

Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН / пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С.147–157.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛО, 2012.

Гадея Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп. В защиту изменения подхода // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой, пер. с фр. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.

Гириц К. Интерпретация культуры / пер. с англ. М.: РОСПЭН, 2004.

Графтон Э. История академической харизмы. Гуманитарный аспект // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 399–410.

Делбанко Э. Скандалы в высшем образовании: Обзор публикаций об американском высшем образовании // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 304–322.

Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44–56.

Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 3–17.

Иванов С.В., Осипов А.М. Университет как региональная корпорация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 162–172 (http://www.jourssa.ru/2004/4/5bIvanov_Osipov.pdf).

Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. М.: «Идея-Пресс», 2000.

Кулакова И. У истоков высшей школы. Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. 2002. № 2 (<http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/kulak.html>).

Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

Куренной В. Университетская корпорация // Неприкосновенный запас. 2006. № 4–5 (<http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku21.html>).

Куракин Д., Филиппов А. Возможность корпорации: к социологическому пониманию университета // Неприкосновенный запас. 2006. № 4–5 (<http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku22-pr.html>).

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий, история, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.

Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А.М. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2009.

Муфф Ш. Политика и политическое // Интелрос, 2008 (<http://www.intelros.ru/readroom/politiko-filosofskij-ezhgodnik/pfe-1-2008/7259-politika-i-politicheskoe.html>).

Павлюткин И. Организационные изменения в российских вузах: взгляд с позиций неинституциональной теории, 2009 (http://www.hse.ru/data/2009/10/26/1228657218/Pavluytkin_institutionalism_and_university.pdf).

Павленко К.В. Неинституциональный подход к оценке качества образования в ВУЗе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 1–2. С. 90–100.

Перфильева О.В. Университет и регион на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1 (32). С. 133–144.

Покровский Н.Е. Трансформация университетов в ситуации глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 152–161.

Ридингс Б. Университет в руинах // Отечественные записки. 2003. № 6 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=722>).

Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (<http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/po7.html>).

Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании. 2003 (<http://ecsocman.hse.ru/text/18171705/>).

Согомонов А.Ю. Корпоративная ответственность постсовременного университета // Неприкосновенный запас. 2006. № 4–5 (<http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku23.html>).

Соколов М. (а) Популяция социологов новой России. Стенограмма беседы с М. Соколовым в программе «Наука 2.0» (<http://www.polit.ru/article/2011/03/15/sokolov/>), 15 марта 2011.

Соколов М. (б) Как управляют научной продуктивностью (<http://www.polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/>).

Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А.М. Дмитриева. М.: НЛО, 2009.

Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия. Т. 1 / ред. В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 1997.

Университет для России. Т. 2: Московский университет в Александровскую эпоху / ред. В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 2001.

Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение (Хрестоматия). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (http://www.ecsocman.edu.ru/data/903/143/1217/007_Shchepanskaya.pdf).

Щепанская Т.Б. Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.

Becker P.E. Congregations in conflict. Cultural Models of Local Religious Life. UK: Cambridge University Press, 2004.

Bender T. (ed.) The University and the City: From Medieval Origins to the Present. N.Y.: Oxford University Press, 1988.

Bender T. Scholarship, Local Life, and the Necessity of worldliness // The Urban University and Its Identity: Roots, Locations, Roles / Van der Wusten H. (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997.

Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford University Press, 1984.

Bourdieu P., Passeron J.C. The Inheritors: French Students and Their Relation to Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

Charles D.R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities // Rebalancing the Social and Economic. Learning, Partnership and Place / C. Duke, M. Osborne, B. Wilson (eds.). NIACE, 2005.

Chatterton P. University students and city centres: the formation of exclusive geographies. The case of Bristol, UK // *Geoforum* 30. 1999. P. 117–133.

Chatterton P. The student city: an ongoing story of neoliberalism, gentrification, and commodification // *Environment and Planning*. 2010. Vol. 42. P. 509–514.

Clark B. *The Distinctive College*. Chicago: Aldine Press, 1971.

Clark W. *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago: *University of Chicago Press*, 2006.

Donoghue F. *The Last Professors. The Twilight of Humanities in Corporate University*. N.Y.: Fordham University Press, 2008.

Friedland R., Alford R.R. *Bringing Society Back // Symbols, Practices, and Institutional Contradictions: The New Institutionalism in Organizational Analysis* / W.W. Powell, P.J. DiMaggio (eds.). Chicago: *University of Chicago Press*, 1991.

Golde C.M. The Role of the Department and Discipline in Doctoral Student Attrition: Lessons from Four Departments // *Journal of Higher Education*. 2005. Vol. 76. No. 6. P. 669–700.

Hillis Miller J. *Black Holes*. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Johnson B., Kavanagh P., Mattson K. *Steal This University. The Rise of the Corporate University and the Academic Labour Movement*. N.Y.; L.: Routledge, 2003.

Kamens D. Colleges and Elite Formation: The Case of Prestigious American Colleges, *Sociology of Education*. 1974 (Summer). Vol. 47. Issue 3. P. 354–378.

Keller G. *Academic Strategy: The Management Revolution in American Higher Education*. Baltimore, Md.: The Johns Hopkins University Press, 1983.

Kerr C. *The Uses of the University*. Harvard University Press, 1995.

Larson M. *The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis*. Berkeley, L.: *University of California Press*, 1977.

Melville S. *Memoir: In Celebration of Academic and Athletic Excellence // Surfaces*. Vol. VI. 205 (v.1.0A – 09/09/1996). P. 5–16 (<http://www.pum.umontreal.ca/revues/surfaces/vol6/melville.html>).

Meyer J.W. The charter: conditions of diffuse socialization in schools // *Social Processes and Social Structures: An Introduction to Sociology* / W.R. Scott (ed.). N.Y.: Henry Holt Co, 1970.

Meyer H.D., Rowan B. The New Institutionalism in Education. Albany: State University of New York Press, 2006.

Minogue K.R. The Concept of a University. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973.

Muthesius S. The Postwar University: Utopianist Campus and College. New Heaven: Yale University Press, 2000.

Perry D.C., Wiewel W. (eds.) The University as Urban Developer: Case Studies and Analysis. N.Y.: M.E. Sharpe, 2005.

Shumar W. College for sale: a critique of the commodification of higher education. L.: The Falmer Press, 1997.

Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004.

Toward a Global Autonomous University: Cognitive Labour, the Production of Knowledge. Autonomedia, 2010.

Smith D. Studentification: the gentrification factory? // The New Urban Colonialism: Gentrification In A Global Context / R. Atkinson, G. Bridge (eds.). N.Y.: Routledge, 2005.

Van der Wusten H. A Warehouse of Precious Goods: The University in its Urban Context // Van der Wusten H. (ed.) The Urban University and Its Identity: Roots, Locations, Roles. Kluwer Academic Publishers, 1997.

Препринт WP6/2011/06
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Запорожец Оксана Николаевна

**Университет как корпорация:
интеллектуальная картография
исследовательских подходов**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *А.В. Маслова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,75
Усл. печ. л. 2,8. Заказ № . Изд. № 1393
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15

